

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

КАРЛ
ХАУСХОФЕР

ТЕОРИЯ

«ЖИЗНЕННОГО
ПРОСТРАНСТВА»

ФРИДРИХ
РАТЦЕЛЬ

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

Философский поединок

Карл Хаусхофер

**Теория «жизненного
пространства»**

«Алисторус»

УДК 13
ББК 87

Хаусхофер К.

Теория «жизненного пространства» / К. Хаусхофер —
«Алисторус», — (Философский поединок)

ISBN 978-5-907120-30-3

После Второй мировой войны труды известного немецкого геополитика Карла Хаусхофера запрещались, а сам он, доведенный до отчаяния, покончил жизнь самоубийством. Все это было связано с тем, что его теорию «жизненного пространства» («Lebensraum») использовал Адольф Гитлер для обоснования своей агрессивной политики в Европе и мире – в результате, Хаусхофер стал считаться чуть ли не одним из главных идеологов немецкого фашизма. Между тем, Хаусхофер никогда не призывал к войне, – напротив, его теория как раз была призвана установить прочный мир в Европе. Концепция К. Хаусхофера была направлена на создание единого континентального блока против Великобритании, в которой он видел основной источник смут и раздоров. В то же время Россия рассматривалась Хаусхофером как основной союзник Германии: вместе они должны были создать мощное евразийское объединение, целью которого было бы освоение всего континента с помощью российских транснациональных коммуникаций. Свои работы Карл Хаусхофер вначале писал под влиянием другого немецкого геополитика – Фридриха Ратцеля, но затем разошелся с ним во взглядах, в частности, отвергая выведенную Ратцелем модель «семи законов неизбежной экспансии». Основные положения теории Фридриха Ратцеля также представлены в данной книге. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 13
ББК 87

ISBN 978-5-907120-30-3

© Хаусхофер К.

© Алисторус

Содержание

Предисловие	6
Фридрих Ратцель	10
Народы	10
Эйкумена	12
Культура	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Карл Ха́усхофер (Karl Haushofer), Фри́дрих Ра́тцель (Friedrich Ratzel) Теория «жизненного пространства»

Предисловие

Отцом геополитики по праву считается немецкий исследователь Фридрих Ратцель (1844–1904) – немецкий географ и зоолог, профессор географии в Лейпцигском университете, основатель немецкой социологической школы, названной его учеником Р. Челленом «геополитической».

Ратцель активно использовал термин «Lebensraum» («жизненное пространство»), введенный в научный оборот Карлом Риттером, и развил концепцию органической модели государства. Он вывел семь законов экспансии, или «пространственного роста государства», будучи уверен в том, что «растущий народ нуждается в новых землях для увеличения своей численности»:

1. Пространство государства растет вместе с ростом культуры.
2. Рост государства сопровождается другими симптомами развития: развитием идей, торговли, производства, миссионерством, повышенной активностью в различных сферах.
3. Пространственный рост государства осуществляется путем соединения и поглощения малых государств.
4. Граница есть периферийный орган государства и как таковой служит свидетельством его роста, силы или слабости и изменений в этом организме.
5. В своем росте государство стремится вобрать в себя наиболее ценные элементы физического окружения, береговые линии, русла рек, равнины, районы, богатые ресурсами.
6. Исходный импульс к территориальному росту приходит к государствам извне, как результат различия уровней цивилизации соседствующих территорий.
7. Общая тенденция к слиянию и поглощению слабых наций переходит от государства к государству и, набирая силу, подталкивает к еще большему увеличению территорий.

Область обитания человечества, по Ратцелю, эйкумена. В северном полушарии людей живет больше, чем в южном, потому что оно дает людям больше пространства, обширные соприкасающиеся между собой области, имеет больше преимуществ для развития человечества.

Если взглянуть на карту, можно прийти к выводу, что северные части материков находятся в более широкой связи, а южные значительно поделены между собой. Поэтому высшие формы культурного развития встречаются к северу от экватора (например, северные народы издревле использовали лук, а южные не знают о его существовании).

Различие наблюдается и в общественно-политических отношениях: в доколумбовой Америке, Океании, Австралии (более древнее развитие) развит групповой брак, материнское право, род; в Азии, Африке, Европе – патриархальная система, парный брак. Это, по мнению Ратцеля, доказывает, что «в человечестве восток с западом значительно противоположны друг другу. Америка – самый крайний восток человечества: здесь скорее можно найти более древние формы развития, чем в Африке и Европе, образующих крайний запад».

Ратцель пишет, что наравне с тем, как географическая противоположность между севером и югом проходит по всей Земле, антропологический и этнографический контрасты ограничиваются так называемым Старым Светом и прилежащими к нему землями.

Большое значение имеет также транспортный фактор – сначала просто мореплавание, затем изобретение парохода – активное мореплавание. Так как по суше передвигаться было опасно (много врагов), по морю распространялась более высокая культура «приморского» народа в соседние участки земного шара.

В целом Ратцель делит народы на стоящих на низшей (дикие народы) и высшей ступени (европейцы) лестницы. Под «дикими» Ратцель понимает народы, которые находятся в большей зависимости от природы, чем народы культурные. Он доказывает, что все дикие народы живут в редком расселении, а высшая культура несет с собой и более высокую плотность расселения. «Однажды начавшееся смешение рас идет все дальше и дальше, причем каждый новый приток крови высшей расы выравнивает расстояние по отношению к высоте...»

«В основе материального прогресса человечества, – пишет Ратцель, – лежит все более и более усугубляющееся и расширяющееся изучение явлений природы. Отсюда исходит все возрастающее обилие средств, которыми человек пользуется для улучшения и украшения своей жизни». Основополагающими факторами при этом стали общие интересы труда (с развитием экономического разделения труда), торговля (места перекрещивания путей сообщения) и т. д. На основе этого Ратцель приходит к выводу, что общее самообладание и общие интересы создают государство. Почти во всех государствах неевропейского культурного круга управляют вторгшиеся в них завоеватели-чужеземцы. Сознание национальной связи возникает лишь позднее и прокладывает себе дорогу в виде государствообразующей силы, когда вступают в дело и умственные интересы народа. Ответвление новых форм возможно в жизни народов лишь тогда, когда они занимают обширные пространства; только в этом случае они могут найти необходимое уединение, укрепятся их особые признаки, без которых невозможно выделение их в специальную группу.

Наиболее благоприятным для государства элементом ландшафта Ф. Ратцель считает морские берега, которые он относит к наивысшему рангу политических границ. В этой связи по мере роста государство стремится к включению в свой состав «политически ценных мест», а поскольку «масштабы политических пространств» непрерывно изменяются, то отчетливо проявляется тенденция «врастать в естественные замкнутые пространства».

Логика законов пространственной экспансии привела Ф. Ратцеля к формулированию концепции «мировой державы». Он заметил, что у больших стран в их развитии есть стремление к максимальной географической экспансии, выходящей постепенно на планетарный уровень. В результате происходит объединение континентального пространства под политическим и стратегическим господством такой мировой державы. На американском континенте Ф. Ратцель отводил эту роль США, а на европейском – Германии.

Ратцель одним из первых разработал теорию «океанического цикла». В этой теории он обосновал идею о поступательном перемещении стратегических центров мира из Средиземноморья в Атлантический, а затем и в Тихий океан. Ф. Ратцель называл Тихий океан океаном будущего.

Он считал, что на мировой арене будут доминировать те страны, которые имеют реальное первенство в Тихоокеанском стратегическом районе. Причины этого заключаются в его огромных размерах, уникальных ресурсах и стратегическом положении. Поэтому именно в этом районе будут решаться силовые отношения ведущих мировых держав: США, Японии, Китая, России и Англии. Именно в этом районе, по его предположению, должно в будущем произойти решающее столкновение между морскими и континентальными государствами. У последних в этом столкновении был ряд преимуществ: достаточное пространство и богатые ресурсы.

* * *

Карл Хаусхофер (1869–1946) – немецкий географ и социолог, виднейший представитель германской школы геополитики.

В 1919 году Хаусхофер защитил докторскую диссертацию в Мюнхенском университете в области географии и в 1921 году получил звание почетного профессора. В 1919 году Хаусхофер близко познакомился со своим студентом Рудольфом Гессом, который некоторое время работал у него ассистентом. Хаусхофер регулярно каждую среду навещал Гесса в Ландсбергской тюрьме, пока тот отбывал наказание за участие в Пивном путче 1923 года, и там познакомился с Адольфом Гитлером. Для «молодых орлов», как он называл Гесса и Гитлера, Хаусхофер читал в тюрьме лекции по геополитике.

Несмотря на то что Гитлер принял идеи Хаусхофера о жизненном пространстве («Lebensraum») и изложил их в «Майн кампф», близкие отношения между Хаусхофером и Гитлером не сложились. Гитлер показался Хаусхоферу неотесанным плебеем, склонным к банальностям и упрощениям. В свою очередь, Гитлер воспринимал Хаусхофера как еще одного «полезного идиота», чьи идеи можно использовать в своих целях, не вникая в их суть. В личной библиотеке Гитлера после войны не было обнаружено ни одного из более чем сорока крупных трудов Хаусхофера и ни одного выпуска его журнала.

В 1933 году Карл Хаусхофер получил звание ординарного профессора и в 1934–1937 годах возглавлял Германскую академию. В основанном в 1935 году Англо-германском обществе Хаусхофер вошел в состав правления. В 1938–1941 годах возглавлял Народный союз немцев за рубежом. Хаусхофер не вступал в НСДАП, тем не менее в официальных органах Германской империи проходил как член партии.

Как специалист по Японии, Хаусхофер участвовал консультантом при заключении Антикоминтерновского пакта в 1936 году. В изданном в 1925 году учебнике «Геополитика Тихого океана» Хаусхофер отвел Японии в Азии роль лидера, которую по его представлениям должна была занять в Европе Германия.

В феврале 1939 года Хаусхофер завершил преподавательскую деятельность. К этому времени у него сформировалось критическое отношение к национал-социализму, с которым он был связан прежде всего через Рудольфа Гесса. После вылета Рудольфа Гесса в Великобританию 10 мая 1941 года Хаусхофер полностью лишился влияния и попал под наблюдение гестапо. Его сын Альбрехт был арестован в связи с покушением на Гитлера 20 июля 1944 года и убит эсэсовцами в ночь на 23 апреля 1945 года. Младший сын Хаусхофера Хайнц также некоторое время провел в заключении. Сам Карл Хаусхофер провел месяц в концлагере Дахау. После освобождения в 1945 году Хаусхофер вернулся в Мюнхен, где 13 марта 1946 г. вместе с женой совершил самоубийство в своем поместье Хартшиммельхоф.

Взгляды Хаусхофера складывались под влиянием социального дарвинизма. Фундаментом для построений Хаусхофера было, как уже говорилось, понятие «жизненного пространства», причем задачу каждого государства он видел в расширении этого пространства. Отсюда выводились необходимость экономической самодостаточности (автаркия), культурной экспансии и поглощения небольших государств, которые, будучи неспособными проводить самостоятельную внешнюю политику, лишь дестабилизируют международные отношения.

Хаусхофер разработал особый вариант евразийства – военно-геополитическую доктрину «Континентального блока (союза)» («Ось Берлин – Москва – Токио»), который должен был объединить государства Евразии, такие как: Испания, Италия, Франция, Германия, Россия и Япония – будучи восточным противовесом и альтернативой западному англосаксонскому миру: Британской империи и США.

Во второй части своей статьи «Континентальный блок: Берлин-Москва-Токио» Карл Хаусхофер писал: «Евразию невозможно задушить, пока два самых крупных ее народа – немцы и русские – всячески стремятся избежать междоусобного конфликта, подобного Крымской войне или 1914 году: это аксиома европейской политики».

На практике в нацистской Германии эта теория была извращена и воплотилась в виде организации политического блока так называемых «стран Оси», с прицелом на создание всемирной Германской империи.

Фридрих Ратцель

Область обитания и народ

Народы

Наше умственное и культурное развитие, все то, что мы называем прогрессом цивилизации, можно сравнить скорее с ростом растения, чем со свободным подъемом птицы. Мы всегда остаемся связанными с землею, и ветвь может расти только на стволе. Как бы человечество ни поднимало голову в эфирные области, ноги его все-таки касаются земли, и прах вновь становится прахом. Этим обуславливается необходимость рассмотрения нашего предмета.

Что касается исторического воззрения, то мы можем указать народы, которые целые тысячелетия оставались одинаковыми, не меняя ни местопребывания, ни языка, ни физического облика, ни образа жизни, и только поверхностно изменяли свои верования и знания. Геродот упоминает об одном пещерном народе, жившем вблизи гарамантов, обитателей нынешнего Феццана; он рассказывает, что это был народ очень ловкий и быстрый на ходу и что язык его был мало известен за пределами его местообитания. Это – народ Тубу или Тэда Нахтигалия, и теперь еще живущий в естественных пещерах своих скал, пользующийся большой известностью за свою ловкость и быстроту передвижения, язык которого почти не проникает за пределы его скалистых укреплений. По крайней мере, более 2000 лет, а может быть, и еще гораздо дольше, эти люди живут все так же, как и жили. Они и теперь настолько же богаты и бедны, мудры и невежественны, как были тысячелетия тому назад. Они ничего не прибавили к тому, чем обладали в те времена. История каждого поколения была та же, как и предыдущих, и повторяла собою все прежние. Они не сделали, как мы говорим обыкновенно, никаких успехов. Но они были всегда способными, крепкими, деятельными людьми, наделенными добродетелями и пороками. Мы видим в них обломок прошлого времени.

В тот же период наш народ с родственными ему народами пережил крайне разнообразную историю и накопил сокровища мудрости, знания и материального богатства. Мы выступили из тьмы лесов на историческую сцену и сделали наше имя в войне и мире одним из самых почетных и страшных среди народов. Но изменились ли мы в качестве отдельных людей? Сильнее ли мы наших предков телом и духом, добродетелями и способностями, в сравнении с народом Тубу? Это подлежит большому сомнению. Главное различие заключается в том, что мы больше работали, больше приобретали, быстрее жили, а еще более в том, что мы умеем сохранять приобретенное и пользоваться им. Наше достояние крупнее, жизненное и свежее. Этнографическое сравнение поэтому отводит нам высшее положение в человечестве, но оно показывает нам также, как и почему мы сделались такими, каковы мы теперь, и по каким путям мы можем продолжать идти дальше. И хотя мы не можем достаточно часто повторять, что народ состоит из индивидуумов, которые во всех его проявлениях играли и играют роль основных элементов, но коренное сходство этих индивидуумов настолько велико, что мысли, выражаемые одним человеком, всегда находят отклик в других, если они имеют к ним доступ, так же, как одинаковые семена на одной и той же почве приносят одинаковые плоды.

Мы можем уже представить себе такую всеобщую историю культуры, точка зрения которой господствует над всей землей, т. к. она обозревает историю распространения культуры во всем человечестве; она глубоко проникает в то, что называется обыкновенно народоведением, или этнографией.

На самом деле чем глубже испытующий взор заглядывает в глубину доисторических и внеисторических народов, тем более встречает он во всех культурных кругах и на всех степенях

культуры, в сущности, одну и ту же культуру, которая уже давно, когда еще не существовало условий для развития многочисленных особых культурных центров, передавалась от одного народа к другому по всей земле. Мы видим ее в тесной связи с нынешним человечеством, которое все, что в нем велико и ново, создало из того общего основания, многие части которого до сих пор еще остаются в его руках неизменными.

Недалеко уже то время, когда не будет всемирной истории, не касающейся тех народов, которые до сих пор считались не историческими вследствие того, что они не оставили никаких писанных или высеченных на камне известий. История есть деятельность.

Эйкумена

Человечество населяет умеренный и теплые страны и острова земли и часть холодного пояса Северного полушария. Область его обитания, эйкумена, образует пояс изменчивой ширины, самый северный пункт которого в северном полушарии лежит в области 80° , а в южном полушарии – 55° широты. Из обоих наибольших океанов земли северный край эйкумены лежит в Тихом океане, где Азия и Америка отстоят друг от друга только на 12,5 географической мили, и по середине его проходит полоса обитаемых островов; напротив, Атлантический океан до ирландско-нормандского заселения Фарерских островов и Исландии составлял широкий перерыв в этом обитаемом поясе.

Поэтому в эйкумене, поверхность которой, за исключением моря, составляет приблизительно 2,4 млн квадратных географических миль, можно различать северную и южную окраины, обращенные к необитаемым ледяным пустыням полярных областей, и восточную и западную окраины, между которыми лежит Атлантический океан.

Народы, живущие на этих окраинах, видят перед собою пустоту, не окружены со всех сторон подобными себе и находятся там, где их местообитания далеко выдвинуты, в полном уединении, составляющем причину их этнографической бедности. Наоборот, некоторые группы народов помещаются в тех местах, где они могут пользоваться значительным преимуществом общения с другими народами: такие места мы видим на Тихом океане.

Культура

Но в чем же заключается сущность различия, отделяющего дикие народы от культурных? Теоретики учения о развитии свободно относятся к этому вопросу и объявляют его давно решенным. Разве можно сомневаться в том, что дикие народы – «древнейшие слои человечества, какие мы можем видеть еще в настоящее время»? Они – остатки бескультурных периодов, между тем как другие части человечества, достигшие в борьбе за существование высшей одаренности и приобретшие более богатое культурное достояние, давно уже выступили из этих периодов.

Этому положению мы противопоставим вопрос: в чем же состоит это культурное достояние? Разве разум, являющийся основой, далее источником всего, не составляет общего достояния человечества? Языку и религии мы должны отдать предпочтение перед другими проявлениями как более благородным и теснее сблизить их с разумом, согласно прекрасному выражению Гамана: «Без языка у нас не было бы разума, без разума – религии, а без этих трех существенных составных частей нашей природы – ни общественного духа, ни общественной связи». Несомненно, язык оказал неизмеримо могущественное влияние на выработку человеческого духа. «Мы должны, – говорит Гердер, – смотреть на орудия речи как на кормило нашего разума, а на речь как на небесную искру, которая постепенно воспламеняла наши чувства и мысли».

Столь же несомненно, что и религия народов, бедных культурой, включает в себе все зачатки, которые с течением времени должны были образовать великолепный, цветущий лес духовной жизни культурных народов; она – в одно и то же время искусство и наука, теология и философия, и в этой бедной жизни нет ничего стремящегося к идеалу, чего бы она не охватывала. О жрецах этих народов можно сказать по всей справедливости, что они – хранители божественной тайны. Последующее распространение этой тайны в народе, популяризация ее в обширном смысле служит самым ясным и глубоким признаком культурного прогресса.

Никто не сомневается в том, что разум составляет общее достояние людей всех рас и ступеней развития; точно так же можно считать фактом общую наличность языка, и противоположно тому, как думали прежде, низшие народы не всегда обладают самыми простыми, а высокоразвитые – самыми богатыми языками. Между тем часто приходится слышать сомнения, что религия встречается у всех диких народов. Мы должны допустить общее распространение, по крайней мере, известной степени религии.

По отношению к политическим и экономическим учреждениям мы находим у диких народов весьма большие различия культурного достояния; мы можем найти у них не только начала, но и довольно значительную часть прогресса культуры, и несомненно, что упомянутые различия сводятся не столько к различию даровитости, сколько к несходным условиям развития.

* * *

Сущность культуры заключается в накоплении множества опытов, затем в прочности сохранения их и, наконец, в способности развивать и увеличивать их. Поэтому мы прежде всего должны поставить вопрос: каким образом может осуществляться первое основное условие культуры – накопление культурного достояния в форме умения, знания, силы. Давно уже существует соглашение относительно того, что первым шагом в этом случае является переход от полной зависимости от произвольных даров природы к сознательному пользованию ими посредством собственной работы, в особенности в земледелии или скотоводстве. Этот переход

открывает разом все самые отдаленные перспективы культуры; но следует иметь в виду, что от первого шага до высоты, достигнутой в настоящее время, лежит весьма большое расстояние.

Дух человека, так же как и дух целых народов, обнаруживает дальнейшее развитие как вследствие разнообразных дарований, так и вследствие различных влияний, оказываемых на них внешними условиями. Более всего подвержена колебанию степень внутренней связи и вместе с тем твердости или прочности духовного достояния. Отсутствие связи, распадение этого достояния так же решительно характеризует низшие культурные ступени, как его связность, неразрушимость и способность к развитию характеризуют высшие.

Мы встречаем на низких ступенях бедность традиций, которая не позволяет этим народам прийти к осознанию своей прежней судьбы в течение более или менее продолжительного времени и не позволяет им умножить свое умственное достояние приобретениями отдельных выдающихся умов или восприятием и разработкой приходящих извне стимулов.

Здесь, насколько мы можем этому довериться, лежит причина самых глубоких различий между народами. Мы, по-видимому, касаемся ее, когда противопоставляем народы, имеющие историю, народам, не имеющим ее. Но разве исторические факты потеряны для истории только тому, что память о них не сохранена писаной историей? Сущность истории заключается в самом происшествии, а не в запоминании и закреплении происшедшего.

Мы предпочитаем свести это различие к противоположению раздробленных и организованных народностей, т. е. внутренняя связь, по-видимому, обозначает наиболее глубокое различие, какое существует в области исторического действия, а следовательно, главным образом и в духовной области. Как общественная и государственная, так и духовная история человечества есть прежде всего переход от разрозненности к взаимодействию; и внешняя природа прежде всего заставляет человеческий дух приспособляться к ней тем, что он стремится стать в определенное отношение к ней, конечной целью чего является создание упорядоченного отражения природы в самом человеческом духе, т. е. создание поэзии, искусства и науки.

Принадлежа к самым различным расам, дикие народы не составляют народной группы в анатомическо-антропологическом смысле. Так как они принимают участие в высших культурных благах человечества в области языка и религии, то место их не должно указываться у основания родословного дерева человечества, и их состояние не должно считаться первичным или детским.

Существует различие между быстро созревающей незрелостью ребенка и недостаточной зрелостью недвигающегося вперед взрослого. То, что мы называем дикими народами, близко к последнему и далеко от первого. Мы называем их народами, бедными культурой, потому что внутренние и внешние обстоятельства помешали им достигнуть таких прочных успехов в области культуры, которые служат признаками настоящих культурных народов и доказательствами культурного прогресса.

Но мы не отважимся назвать эти народы бескультурными, так как каждый из них обладает первичными средствами для подъема на высшие ступени: язык, религия, огонь, оружие и орудия свойственны им всем, и обладание этими средствами и многими другими, в числе которых достаточно назвать домашних животных и культурные растения, вызывает многочисленные и разнообразные соприкосновения с настоящими культурными народами.

* * *

Существуют многие причины, почему эти дары не принесли им пользы. В числе их меньшая умственная даровитость обыкновенно указывается на первом месте. Это удобно, но не совсем справедливо. Среди нынешних диких народов, во всяком случае, замечается большое различие даровитости. Следует иметь в виду, что в течение культурного развития лишь несколько более даровитые народы все больше и больше овладевали средствами культуры и

придавали прочности своему прогрессу, тогда как менее даровитые оставались позади. Но следует распознавать и оценивать и внешних условия в их задерживающем или поощряющем действии; указывать их на первом месте будет справедливее и логичнее.

Мы понимаем, почему местообитания диких народов по преимуществу встречаются на самых внешних окраинах эйкумены, в холодных и жарких странах, на отдаленных островах, в замкнутых горах, в пустынях. Мы называем их отсталость в других частях света, которые представляли столь мало средств для развития земледелия и скотоводства, как Австралия, северные полярные страны и самые северные и южные части Америки.

В неверных, недостаточно развитых источниках существования мы видим цепь, которая связывает им ноги и заставляет их двигаться в узком пространстве. Этим объясняется их незначительная численность, и отсюда же вытекает незначительная общая масса их умственных и физических проявлений, редкость выдающихся людей, отсутствие благодетельного давления, которое оказывается окружающими массами на деятельность и предусмотрительность отдельных лиц и обнаруживается в сословном наложении общества и в содействии полезному разделению труда.

Отчасти из этой неверности вспомогательных средств исходит и недостаточная устойчивость диких народов. Все они проникнуты духом кочевой жизни, которым объясняется и несовершенство их политических и экономических учреждений, даже и тогда, когда эти народы, по-видимому, начинают усердно заниматься земледелием на известном участке земли.

Таким образом, несмотря на культурные средства, которыми они часто богато оделяются, возникает разрозненная, лишенная сосредоточения сил и плодотворности жизнь. Не имея внутренней связи, эта жизнь лишена и прочного развития; это не та жизнь, где впервые выработались зачатки культуры, дающие уже в начале того, что мы называем историей, богатые всходы: она наполнена скорее отбросами культуры и смутными воспоминаниями из культурных циклов, лежащих отчасти позади начала нашей истории.

Если мы сделаем краткое заключение о положении этих народов относительно тех, к которым мы принадлежим сами, то мы должны будем сказать: в культурном отношении эти народы составляют слой, низший в сравнении с нами, между тем как по естественному образованию и зачаткам они, насколько это можно распознать, равны нам, а отчасти стоят недалеко от нас. Это наложение должно понимать не в том смысле, что оно составляет ближайшие к нам низшие ступени развития, по которым мы прошли сами, а в том, что оно столько же состоит из неподвижных, сколько и из отсталых элементов.

Существует, таким образом, крепкое зерно положительного свойства диких народов. В нем заключаются значение и выгоды их изучения. Отрицательное воззрение, которое видит только то, чего им недостает в сравнении с нами, есть близорукая и слишком низкая оценка их.

* * *

Словом «культура» мы обозначаем обыкновенно сумму всех духовных приобретений известного времени. Когда мы говорим о степенях культуры, о высшей и низшей культуре, о полукультуре и противопоставляем друг другу дикие и культурные народы, мы прилагаем к различным культурам масштаб, заимствованный от той культурной высоты, какой достигли мы сами.

Наша культура кажется нам настоящей культурой. Допуская, что в действительности самое высокое и богатое развитие этого понятия можно найти только у нас, мы должны для понимания самого предмета считать особенно важной возможность проследить распускание этого цветка от самого семени. Мы достигнем нашей цели – проникновения в сущность культуры, лишь тогда, когда поймем двигательную силу, которая развила культуру из первых зачатков.

Каждому народу свойственны умственные дарования, и он развивает в своей жизни нечто духовное. Каждый называет известную сумму знания и умения свою, представляющую его культуру. Различие между этими «суммами умственных приобретений» лежит, однако, не столько в их величине, сколько в их способности к развитию. Прибегая к сравнению, культурный народ кажется нам мощным деревом, которое тысячелетним ростом возвысилось до нынешнего величия и устойчивости над низменностью и непрочностью народов, бедных культурой.

Одни растения ежегодно умирают, а другие из травки превращаются в могучие деревья. Разница между ними заключается в сохранении продуктов роста каждого отдельного года, в их накоплении и закреплении. Даже и этот непрочный рост диких народов, которые можно сравнить с кустарником, дал бы нечто более устойчивое, причем каждое новое поколение выше поднималось бы к солнцу и находило бы более твердую опору в том, что было достигнуто уже ранее его, если бы в нем действовало стремление к сохранению и закреплению. Но ему недостает этого стремления, и таким образом происходит, что все растения, предназначенные к большему росту, остаются на земле и погибают в борьбе за свет и воздух, тогда как, поднявшись выше, они бы вполне пользовались ими. Культура есть порождение многих человеческих поколений.

В ограничении во времени и в пространстве, изолирующем хижины, деревни и народы, так же как и следующие друг за другом поколения, заключается отрицание культуры; наоборот, в объединении вместе живущих и в связи следующих друг за другом заключается возможность ее развития. Соединением вместе живущих упрочивается сохранение, а связью поколений – развитие культуры. Развитие культуры есть собирание сокровищ. Эти сокровища растут сами собою, если только их оберегают устойчивые силы.

Во всех областях человеческого творчества и деятельности объединение является основанием дальнейшего высшего развития. Только взаимодействием и взаимной помощью между современниками или следующими друг за другом поколениями удастся достигнуть той ступени образованности, на которой стоят теперь высшие члены человечества.

Рост этот зависит от характера объединения и распространения его. Для него менее благоприятны многочисленные мелкие союзы родов, где индивидуум не свободен, чем более крупные, поощряющие индивидуальное соревнование общины и государства современных народов.

Мы называем существенным для высшего культурного развития возможно большую и тесную связь всех соревнующих между собою и с прошлыми поколениями и проистекающую отсюда наибольшую сумму проявлений и приобретений. Между этими крайностями лежат все посредствующие ступени, которые обнимаются многозначительным названием полукультуры.

Это понятие «о половине пути» заслуживает некоторого пояснения. Когда мы видим в высшей культуре энергическое выражение сохраняющих и созидających сил, в полукультуре мы замечаем, что существенными являются силы, задерживающие и обуславливающие ее низшее положение.

Односторонность и неполнота полукультуры заключаются в области умственного прогресса, которому предшествует развитие экономической стороны. 200 лет тому назад, когда Европа и Северная Америка не достигли еще нынешнего исполинского подъема с помощью пара, железа и электричества, Китай и Япония своими успехами в земледелии, ремеслах и торговле и даже пришедшими теперь в глубокий упадок каналами и дорогами вызывали величайшее удивление европейских путешественников. Но европейцы и происшедшие от них народы в Америке и Австралии в последние 200 лет не только нагнали их, но и далеко опередили.

* * *

Здесь мы узнаем, в чем заключается загадка китайской культуры, ее высокого положения и ее застоя, как и вообще всякой полукультуры. Что, кроме стремления к свободному умственному творчеству, позволило западу так опередить восток? Вольтер совершенно прав, говоря, что природа дала китайцам органы, чтобы находить все, что для них может быть полезно, но не для того, чтобы идти дальше. В полезном, в искусствах практической жизни они велики, но мы не обязаны им ни одним глубоким взглядом на связь и причины явлений, ни одной теорией.

Происходит ли этот недостаток от какого-либо пробела в их способностях, или он заключается в неподвижности их социальной и политической организации, благоприятствующей посредственности и подавляющей гениальность? Так как он замечается во всех формах их организации, то мы должны высказаться за пробел в их дарованиях. Только этим можно объяснить неподвижность их социального расчленения. Решительный ответ может, конечно, дать только будущее; оно прежде всего покажет, как и насколько эти народы могут идти вперед по культурным путям, какие им так усердно указывают Европа и Северная Америка. В том, что они хотят или должны вступить на них, не может уже быть никакого сомнения.

Но мы не придем к решению этого вопроса, если станем на точку зрения общей культуры, которая в несовершенствах Китая, Японии и пр. видит признаки низшей ступени всей жизни, а часто и признаки полной безнадежности всех попыток к прогрессу. Если в них лежат только способности к полукультуре, то потребность прогресса, путем привлечения из Европы и Сев. Америки деятельных сил, выступит на первый план и медленно преобразует народную массу. Многих из нынешних культурных народов только этот процесс привел на их настоящую высоту.

Сумма культурных приобретений всех ступеней и всех народов складывается из материального и духовного достояний. Весьма важно разделять их одно от другого, т. к. они имеют различное значение для внутренней ценности общей культуры и прежде всего для ее способности к развитию. То и другое приобретается не одинаковыми средствами, не с одинаковой легкостью и не в одно и то же время. Материальное достояние культуры лежит в основе духовного.

Духовные создания являются, как роскошь, после удовлетворения телесных потребностей. Каждый вопрос о происхождении культуры превращается поэтому в другой вопрос: что благоприятствует развитию материальных основ культуры? Здесь надо отметить на первом месте, что, так как в пользовании средствами природы для целей человека дается путь к этому развитию, наиболее высокую цену имеет не материальное богатство природы, а богатство ее силами или, лучше сказать, стимулами, имеющими высшую ценность. Те дары природы всего дороже для человека, которые возбуждают к продолжительной деятельности заключающиеся в нем источники силы. Это может сделать всего менее то богатство или те так называемые дары природы, которые освобождают его от известного труда, необходимого при других обстоятельствах, каково, например, тепло под тропиками, благодаря которому строение жилища и изготовление одежды значительно облегчаются в сравнении с умеренным поясом. А если мы сравним то, что может дать природа, с тем, что присуще человеческому духу в виде возможности, то различие оказывается громадным и заключается преимущественно в следующем: дары природы сами по себе, по роду и количеству, неизменны, но получение необходимого колеблется из года в год и не поддается учету.

Они связаны с известными внешними условиями, зависят от известных поясов, определенных высот и различных видов почвы. Власть человека поэтому с самого начала указывается узкие пределы, которые развитием силы его ума и воли могут быть расширены, но не могут быть уничтожены. Силы человека, напротив, принадлежат только ему; он может не только свободно применять их, но и разнообразить и усиливать, причем для них нельзя установить гра-

ниц, по крайней мере в настоящее время. Ничто не показывает разительнее зависимости пользования природой от воли человека, чем одинаковое состояние диких народов во всех частях земли, во всех климатах и на всех уровнях высоты.

Не случайно слово «культура» (возделывание) имеет одинаковый смысл с земледелием. Здесь лежит его этимологический корень, а также и корень того, что мы в более обширном смысле называем культурой. Приложение известной суммы сил к клочку земли есть наилучшее, наиболее обещающее начало той независимости от природы, которая в победе духа над нею видит свою цель. Цепь развития всего легче примыкает здесь к одному звену за другим: в ежегодно повторяющейся работе на одной и той же почве сосредоточивается творчество и закрепляется предание; таким образом, здесь возникают основные условия культуры.

* * *

Естественные условия, от которых зависит накопление богатства, благодаря плодородию почвы и приложенному к ней труду имеют, таким образом, несомненно величайшее значение для развития культуры. Но нельзя допустить вместе с Боклем, что история не показывает ни одного примера страны, которая цивилизовалась бы собственными усилиями, если она не обладает каким-либо из вышеупомянутых условий в весьма благоприятной форме.

Для первого существования человека теплые, влажные, наделенные плодородием страны были бесспорно наиболее удобными, и первобытного человека всего легче вообразить себе в виде обитателя тропиков. Но если, с другой стороны, культуру можно представить только как развитие сил человека в природе и через посредство природы, то она могла явиться лишь благодаря необходимости, переместившей человека в менее благоприятные условия, где он должен был больше заботиться о себе, чем в этой мягкой колыбели тропического мира.

Это приводит нас в умеренные страны, которые мы по необходимости должны считать колыбелью культуры настолько же, насколько тропические были колыбелью человека. В плоскогорьях Мексики и верхнего Перу мы видим менее плодородные страны, чем в окружающих их низинах; тем не менее Америка достигла наибольшего развития на обоих этих плоскогорьях. Даже в настоящее время, при высоко поднявшейся культуре, они кажутся такими же сухими и пустынными, как степи, рядом с несравненно более роскошной и красивой природою низин, отстоящих от них во многих местах только на один день пути.

В тропических и подтропических странах плодородие почвы вообще уменьшается по мере того, как мы поднимаемся выше, при всех климатических условиях плоские возвышенности никогда не бывают так плодородны, как низины, холмистые местности или горные склоны. Тем не менее обе американские культуры появились на плоских возвышенностях: средоточие мексиканской культуры – главный город Теночтитлан (на месте нынешнего Мехико) лежал на 2280 м высоты, а Куско в Перу – 3500 м. В обеих этих странах мы находим гораздо менее тепла и влажности, чем в большей части остальной средней и южной Америки.

Это заставляет нас признать, что хотя культура в своей начальной стадии имеет тесную связь с обработкой почвы, но при дальнейшем развитии соотношение между ними не является необходимым. По мере того как народ растет, его культура отрешается от почвы, и чем более она развивается, тем более у него является органов, не заключающихся только в содействии земледельческому труду. Можно сказать, что земледельцу присуща прирожденная слабость, которая легко объясняется непривычкой владеть оружием и стремлением к обладанию землею и оседлости, ослабляющим мужество и предприимчивость.

Высшую меру выражения политической силы мы находим, напротив, у охотников и скотоводов, представляющих во многих отношениях противоположность земледельцам. В особенности это можно сказать о пастушеских народах, у которых к подвижности присоединяется способность к массовым действиям и к дисциплине. Здесь именно деятельно проявляется

то, что не позволяет земледельцу развивать свои силы, – недостаток оседлости, подвижность, упражнение энергии, мужество и искусство владеть оружием. Окидывая взглядом нашу землю, мы видим в действительности, что самые крепкие организации так называемых полукультурных народов вызваны к жизни сочетанием этих элементов. Исключительно земледельческий народ, китайцы, находятся под властью манджуров, персы повинуются туркестанским властителям, египтяне подчинялись и теперь подчиняются гиксам, арабам и туркам, т. е. кочевым народам.

Во внутренней Африке кочевые вагумы являются основателями и охранителями самых крепких государств Уганды и Уньюро, а в поясе государств Судана, тянущемся от моря до моря, каждое из них основано выходцами из степей и пустынь; в Мексике утонченный земледельческий народ толтеков находился в подчинении у грубых ацтеков. В истории пограничной полосы между степью и земледельческой страной это правило могло бы быть подтверждено еще большим количеством примеров. Мы видим здесь закон истории. Менее плодородные плоскогорья и прилегающие к ним полосы не потому способствовали повсюду развитию высшей культуры и образованию культурных государств, что они обладали более прохладным климатом и этим поощряли земледелие, а потому, что здесь соединялась завоевательная и охранительная сила номадов с устойчивой работой скучивавшихся в культурных оазисах, но не имевших способности к образованию государств земледельцев. Играли ли при этом озера известную роль, в качестве пунктов притяжения и кристаллизации подобных государств, является интересным, но второстепенным вопросом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.